

Владыслав Возьневич

Обусловленности познания культурных артефактов и вопросы межкультурного диалога в польско-восточнославянском языковом пространстве

Studia Rossica Posnaniensia 30, 115-124

2002

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПОЗНАВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ АРТЕФАКТОВ И ВОПРОСЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ПОЛЬСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

CONDITIONS OF RECOGNIZING CULTURAL HERITAGE AND INTERCULTURAL COMMUNICATION IN POLISH-EAST SLAVONIC SPACE

ВЛАДЫСЛАВ ВОЗЬНЕВИЧ

ABSTRACT. In the first part of the article the author describes a positive, nevertheless, total effect of evolutionary transformations in the sphere of knowledge of Russian language and culture in Poland at the turn of the century. The familiarity with cultural heritage of Russia and also Russian language is an important factor in a cultural dialogue in Polish-Russian relationships, as well as a crucial educational purpose. Realization of this objective will be possible if Polish and Russian state institutions and opinionative elite are conducive to overcoming such negative conditions of intercultural dialogue as historic burden, ethnocentric mental attitude, stereotypes and Russian ideological programs which concern the imperial Russian past. In the last part of the article, the author formulates postulates relating constructive dialogue in Polish-East Slavonic space.

Władysław Woźniewicz, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Instytut Filologii Rosyjskiej, al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska – Poland.

Изучение русского языка как иностранного равнозначно с постепенным вхождением в необъятный национальный русский мир в его историческом и пространственном измерении. Вхождение в российскую действительность посредством языка обусловлено, с одной стороны, познанием ее природно-географических реалий и постижением смыслов различных артефактов русской культуры, признаваемых канонических ценностей, индивидуально-национальных поведенческих и ментальных установок и стереотипов. Каждому историческому времени свойственны сверхнациональные, в некотором смысле универсальные представления о внешнем мире, в том числе и об инонациональном мире. В этих представлениях, как правило, содержатся и различ-

ные оценочные отношения к отдельным инациональным мирам. Характер этих отношений обусловлен, с одной стороны, исторической памятью, национальными доктринами, их обиходным знанием, с другой стороны – разными прагматическими соображениями: политическими, экономическими и прочими.

И представления о внешнем мире, и отношения к нему объективированы, как известно, в языке. Поэтому усвоение иностранного языка является источником познания и средством познания данного национального мира и в определенной степени также и родного национального мира.

В контексте этих общих замечаний я бы хотел обосновать тему моей статьи. Вот уже прошло 12 лет от состоявшейся в 1989 году первой международной конференции, организованной Институтом русской филологии в Познани. Формула конференции „Европейская русистика и современность”, придуманная в конце 1988 года, оказалась счастливой интуицией, возможной в контексте незабвенной идеи гласности и польского Круглого стола. Эта формулировка оказалась удачной и в том смысле, что русистика как наука стала сбрасывать „прогрессивную, соцлагерную” печать и становилась нормальной европейской наукой, редуцируя при этом предмет тогдашней советологии.

В девяностые годы, годы многонаправленной трансформации, польская русистика, несмотря на большое сокращение количества лиц, изучающих русский язык, не только сохранила свой кадровый и интеллектуальный потенциал, но и успешно развивается в новых условиях, о чем свидетельствует факт, что она функционирует в 20-ти гуманитарных факультетах государственных и педагогических вузов, не считая десятков вузовских практикумов русского языка. Каждый год в почти сорокаmillionной Польше институты русской филологии принимают на первый курс несколько сот студентов. Это больше, чем в пятидесятиmillionной Украине. Трудно сказать, в какой европейской стране столько молодых людей изучает по свободному выбору русский язык и посредством этого языка в той или иной степени знакомится с русской культурой. В настоящее время польская русистика в Познаньском университете и, пожалуй, в остальных университетах наряду с польской англистикой, польской германистикой, романистикой принадлежит к числу четырех великих иностранных филологий. Определение польская русистика, германистика – не случайно. Его смысл состоит не столько в локализации, сколько в специфике этнонациональных польских позиций, установок и восприятия инационального мира.

Если считать, что данная иностранная филология является в определенной степени народоведением, то эти установки и восприятие инационального мира, культуры и языка обусловлены исторически сложившимися отношениями к этому миру. Правда, что русистика как наука подлежит как и остальные научные дисциплины общим методологическим критериям истинности утверждений. Но, как мы знаем, в гуманитарных науках на извечный вопрос „Что есть истина?” отвечают разными утверждениями, в том числе такими,

которые считаются спорными, иногда в силу признаваемых устоявшихся и этнонациональных ценностей неприемлемыми.

Поэтому, не отрекаясь от критериев истинности, руководствуясь гуманитарными принципами ассертивности, эмпатии и приемлемыми прагматическими соображениями, следует в процессе изучения русистики иметь в виду необходимые предпосылки развития конструктивных межкультурных польско-восточнославянских и, в частности, польско-российских связей. Цель моей статьи и состоит в зарисовке некоторых существенных обусловленностей их развития в контексте межнациональных отношений, сложившихся на протяжении истории. Излагаемые ниже утверждения образуют польский контекст восприятия русского мира, русской культуры и языка, протекания польско-русского межкультурного диалога и, конечно, польской окраски изучения и функционирования русской филологии. Представляемая мной точка зрения – неединственная, но, на мой взгляд, преобладающая.

История этно-национальных польско-восточнославянских отношений была, как известно, предметом первых научных рассмотрений в XVIII веке в работах польских историков (Й. Залуски, А. Нарушевич). В России наиболее полно они были представлены с имперско-оценивающих позиций Н. Карамзиным¹ в его известной *Истории российского государства* и в других политических текстах. Известно также, что межнациональные культурно-языковые отношения определяются в значительной степени политической историей Польши и России и других народов в восточнославянском пространстве. Эти отношения, как помним, были ознаменованы продолжающимся в течение четырех веков польско-русским противоборством, постепенным вытеснением польской доминанции на территориях сегодняшней Беларуси и Украины и разделом польского государства (I Речьпосполитой) в конце XVIII века. Второй исторический этап – это в большей или меньшей степени репрессивная гегемония и великорусская неволя, сопровождаемая, правда, неудачными попытками русификации. Новейшую историю знаменуют годы возрожденной суверенной Польши (II Речьпосполитой), травматическое время переменной немецко-советской оккупации, законченное болезненной утратой восточных провинций. Сегодня в исторической перспективе, особенно перед лицом балканского синдрома, отношение к этой утрате становится амбивалентным. Наконец, следующий период – это известная, общая для стран нашей части Европы история социалистического лагеря под предводительством Советского Союза. Современный этап истории польско-восточнославянских и, в частности, польско-российских отношений начинается в 1989 году, когда Польша как III Речьпосполита восстановила свой полный суверенитет и вошла на путь приобщения к евро-атлантическим структурам. С этого времени польско-российские отношения характеризуются переменным взаимопониманием и дистанцией.

¹ Н.М. Карамзин, *История государства российского*, Москва 1989.

Этот упрощенный перечень общеизвестных фактов польско-российской политической истории я привел потому, что эта история определяет рамки и характер польско-восточнославянских культурных связей и специфику их развития в этом пространстве.

Общий итог политической истории польского и восточнославянских народов, и в частности, польско-российских отношений, как ни парадоксально, в значительной степени воспринимается отрицательно. Сложившееся положение обременяют три важнейших фактора: 1) историческая память, 2) ментальные этноцентрические позиции и бытующие национальные стереотипы, 3) идейные программы (доктрины) руководящих и влиятельных национальных элит, государственных и общественных учреждений.

Говоря о первом факторе, касающемся исторической памяти, то по польской стороне остается все еще неугасшая травматическая память об известных трагических испытаниях поколений поляков вследствие великорусского и советского произвола и насилия. По российской стороне, аналогично польской, также имеется все обновляющееся ощущение утраты в разных ее аспектах – территориальном, имперском, демографическом, экономическом и др. Осознание этого факта в сочетании с ухудшением благосостояния общества, с претенциозными декларациями „ближней” и „дальней” заграницы вызывает чувство фрустрации и националистические отклики.

Второй фактор касается ментальной сферы. Ментальность, а она понимается здесь как этнически и культурно обусловленный способ восприятия внешнего мира, в том числе другого народа и его государства, проявляется в специфическом мышлении об этом мире, о другом народе в его этноцентрически окрашенной трактовке и в языковых и неязыковых поведениях.

В основе определенных ментальных позиций и установок существуют две универсальные, присущие каждому этносу тенденции. Первая из них, первоначальная, в некотором смысле атавистическая, выражается в установке на различение своих от других, чуждых, и в склонности доминирования над ними. Вторая тенденция проявляется в ассертивных, сочувственных установках, в склонности к децентрации, в способности и желании узнать и понять позицию и ожидания других. Обе тенденции как свойства сознания в когнитивной науке сочетаются с понятием ментальных репрезентаций, которые запечатлеваются и функционируют в памяти и сознании человека в виде образно-ассоциативных представлений (ср., напр., образно-вербальные сценарии концепта „большевизм”) и вербально-пропозициональных структур – слов-именований, ходячих фраз, изречений (ср.: с одной стороны, напр., *Великая [Святая, неделимая...] Русь, Союз нерушимый... и панская Польша, курица не птица – Польша не заграница*, с другой стороны – *ruski niedźwiedź, kacap, Rusek* или пресловутый *homo sovieticus*). Эти репрезентации (*lingua mentalis*) соотносятся с языком мысли и образуют разные типы знания – интуитивного, эмпирического, рационального, иррационального, обиходного и т. п. Как известно, в обыденных поведенческих реакциях ментальные репрезентации функ-

ционируют в упрощенном виде как общественные стереотипы, проявляющиеся в стереотипных высказываниях/суждениях, клишированных именовании людей, реалий и их признаков. Известно также, что в основе каждого стереотипа имеется некоторое знание различного происхождения, правдивости и акцептабельности. Стереотипы, характеризующиеся отрицательными признаками, могут в некоторых обстоятельствах функционировать как предубеждения. В научной литературе в межэтнических отношениях выделяются автостереотипы, т. е. положительные и отрицательные свойства, приписываемые своей нации и запечатленные в ментальных репрезентациях гетеростереотипы, т. е. положительные и отрицательные свойства, относимые к чужим, к другим этносам, нациям².

Результаты исследований³, касающихся гетеростереотипов белорусов из восточных областей Польши в глазах поляков и наоборот, а также гетеростереотипы русских в глазах поляков, студентов-русистов, подтверждают обыденное убеждение о значительном преобладании взаимно приписываемых отрицательных свойств и нейтрального отношения к себе, в котором можно усматривать признаки либо безразличия, либо амбивалентности. Этот факт этноцентрических установок поляков подтверждают рейтинги популярности отдельных народов в глазах поляков.

Подобные виды ментальных установок, все еще сохраняющиеся в польско-восточнославянском пространстве, не создают желаемого климата для развития и поддержания культурных связей. Однако я бы не переоценивал роли этого фактора. Ведь известно, что негативные гетеростереотипы удерживаются также в менталитете западных европейцев – немцев в глазах французов или англичан и *vice versa*, несмотря на десятки лет просветительной политики. Достаточно, если появится разногласие, противоречие даже футбольного ранга, и неожиданно оживают негативные представления о жителях партнерских наций. И несмотря на это, постоянно укрепляется тенденция к подлинному взаимному содружеству людей и наций той части Европы. Существенная разница между тем миром и важной, преобладающей частью славянского мира состоит в том, что там, в рамках Европейского союза, имеет место перманентное, заботливое формирование системы взаимно апробированных ценностей, преодоление последствий прошлого и собственных эгоизмов, благодаря настойчивой активности авторитетных и руководящих элит той части Европы.

Итак, я подошел к третьему, сигнализируемому ранее фактору, т. е. идейным программам влиятельных национальных элит, государственных учреж-

² I. K u r c z, *Psychologia języka i komunikacji*, t. I, Warszawa 2000, с. 204.

³ K. I w a n, *Wyobrażenia studentów-slawistów o przyszłości Rosji i jej stosunkach z Europą i Polską*, „Slavica Stetinensia” 1999, nr 8; ee же, *Субъективный образ отношений Польши с Россией в сознании польских студентов-славистов*. В: *Materiały V Międzynarodowej Konferencji Naukowej „Słowo. Tekst. Czas”*, Szczecin 2001; I. K u r c z, указ. соч.

дений, социальных общностей, напр., церквей, в польско-восточнославянском пространстве. Не приходится доказывать, что отрицательный итог исторического прошлого отражается в концептах этих программ, поскольку эти программы в значительной степени, прямо или косвенно соотносятся с исторической памятью, с личным опытом людей отдельных социумов, с запечатленными и легко оживляемыми национальными стерео- и гетеростереотипами. Говоря об идейных программах (доктринах), я буду иметь в виду фундаментальные идеологические концепты, касающиеся позиции, притязаний (аспираций) государства/народа в данном геополитическом контексте и системы предпочитаемых ценностей.

Относительно к Польше вся эта проблематика концентрируется, как известно, вокруг положений, касающихся ее безопасности в рамках НАТО и интеграции с Объединенной Европой на почве уже сформированной и все обогащаемой системы ценностей. Разноречивой проблемой является, с одной стороны, негативное отношение восточных общественных элит к западной ориентации Польши, с другой – некоторое несовпадение признаваемой нами системы ценностей с общественно-политическими реалиями и установками в восточнославянском пространстве. В Украине положение в сущности остается *in statu nascendi*. Беларусь, ближайшая Польше славянская сестра, нередко несправедливо видится в ментально-общественном и политическом отношении как *terra sovietica*. И Россия – прежде всего в этом пространстве. Удивительно, что почему-то и сегодня, несмотря на 150 лет цивилизационного развития и космических завоеваний, из различных представлений о России актуализируется ее образ из некрасовской поэмы *Кому на Руси жить хорошо*, представление о якобы ее непроницаемости, отраженной в строках стихотворения Ф. Тютчева *Умом Россию не понять...* и, как кажется, до сих пор не чуждое сердцу даже образованных русских.

Оставляя разноречивость историко-философской проблематики, я бы хотел коротко затронуть только один вопрос, касающийся российской доктрины, русской идеи, так как с этим вопросом связаны обусловленности и интеллектуальный климат развития польско-российско-белорусских культурных связей. Главная констатация, которая выявляется в идейных стремлениях влиятельных элит России, засвидетельствованная в работах историков, лингвистов, культурологов, политологов в текстах публичного дискурса, выражается в восстановлении исконной национальной доктрины в ее исторически подлинной российской форме и окраске и вполне понятном и обоснованном отречении, правда, не всегда последовательном, от языковой, символической коммунистической оболочки⁴.

Как известно, первичный пятнадцативековой замысел этой доктрины выражался соответственно тогдашнему историческому времени в формуле *Москва третий Рим, а четвертому не бывать*. В течение веков этот первичный

⁴ См., напр.: В.В. Воробьев, *Лингвокультурология*, Москва 1997.

замысел направлял формирование парадигмы фундаментальных русских национальных ценностей. Концепты уваровской триединой формулы *православие – самодержавие – народность* создавали в другой исторической обстановке парадигму русской идеи в течение почти столетия. В советские времена смыслы этой формулы подверглись преобразованию. Православие вытеснялось коммунистической религией научного атеизма. Самодержавие, олицетворяемое властью некоторых генсеков, намного превышало деспотизм царей, и то не всех царей. Народность стала гиперонимом, ассоциируемым с ходячими именованиями новояза типа *народные массы, советский рабочий народ* и т. п., узаконивающими советское самодержавие. Что бы ни делала советская власть, всегда это было *для блага народа*. Неизменным, конституирующим компонентом российской идейной парадигмы как в уваровском, так и в советском варианте была *могучесть, имперскость, великодержавность*. В советские времена эти концепты камуфлировались иными именованиями, напр., *советская держава, передовая страна советов* и прочими фразовыми означениями новояза типа *центр коммунистического движения, интернациональный долг* и т. п.

Как уже было сказано, идейная программа общественно-политических элит в постсоветское время характеризуется отречением от синонимического камуфляжа и возвращением к традиционным концептам. Оказывается, однако, что невозможно войти второй раз в эту же самую Волгу – мать родную. *Православие* в результате опустошения советской эпохи и общих секуляризационных процессов лишилось прежней, оживляющей русскую душу духовности и остается скорее, иногда влиятельным блюстителем возвращаемых традиций в общественно-государственной сфере. *Народность* приобрела статус виртуальной реалии, объединяющей концепты советского институтского коллективизма и идеализированной интеллектуалами соборности. Сегодня, в условиях свободного рынка, зазнайства новых русских концепты *народность, соборность* явятся как „былое и думы” о не бывшемся.

Осталось *самодержавие*, воплощающее концепты всевластия, могучести, великодержавности/имперскости. Как метко заметил Ф.И. Тютчев в России „все движется около кнута и чина”⁵. В советской России, как знаем, кнут был длиннее, а чин всегда доставался от партийной власти. В посткоммунистической России концепт великодержавности/имперскости подвергается, правда в ожесточенном противоборстве, переосмыслению. И несомненно великий русский народ, как показали события 1991 года, в условиях новой демократии выйдет из теней прошлого, избавится от нередкой внушаемой тщетной имперскости в старом стиле и проторит путь к подлинной русской демократии и, выражаясь словами К.Н. Леонтьева, к „...своеобразному стилю культурной государственности”⁶.

⁵ В.В. Воробьев, указ. соч., с. 166.

⁶ К.Н. Леонтьев, *Избранное*, Москва 1993, с. 380.

Итак, на наших глазах происходит процесс преемственности и одновременно переосмысления традиционных российско/советских идейных концептов в культурно изменяющейся российской государственности в новом после холодной войны геополитическом контексте.

Приведенные в этом обзоре метаморфозы российской доктрины обуславливали и впредь будут обуславливать характер и содержание культурных связей в польско-восточнославянском пространстве, а на сегодня, в частности, определяют стратегии познания культурного наследия России и других соседних славянских народов и развития межкультурного диалога в этом пространстве.

Говоря о стратегиях, касающихся развития польско-восточнославянских культурных связей, я имею в виду некоторые постулативные положения, учет которых создает благоприятный климат, содействующий познанию культурного наследия и взаимного чуткого отношения к культурным ценностям в польско-восточнославянском пространстве. Вот важнейшие из них.

1. Признание очевидным фактом, что Россия есть и впредь будет оставаться великой державой, независимо какова она сегодня и какова будет завтра.

2. Признание факта, что многие области национального культурного наследия России составляют универсальное общечеловеческое достояние и этот факт ставит Россию, ее культуру в кругу великих национальных культур Европы.

3. Признание, что, несмотря на известные экономические трудности, Россия обладает огромным интеллектуально-цивилизационным потенциалом.

Признания приведенных положений за правдивые (очевидные аргументы их правдивости здесь не привожу) имплицитно в свою очередь прагматические указания относительно политической активности в различных сферах – собственно культурной, научной, просветительско-педагогической и т. п. Это касается также широко понимаемой взаимной педагогической активности в общественной сфере, осуществляемой в рамках массмедиального публичного дискурса и других культурно-просветительских мероприятий.

Приведу некоторые предложения относительно педагогическо-просветительской политики, касающиеся вопросов исторической памяти, ментальных установок, в частности, познания культурных ценностей и бережного отношения к ним в польско-восточнославянском пространстве.

1. Травматический аспект исторической памяти, влияющий на ментальные установки и культурные отношения, может смягчаться путем взаимного настойчивого стремления обнаружить, а то и прямо добиться правды о прошлом. Обустороннее выявление правды позволит пережить эффект *katharsis* и расширить дорогу к межкультурному диалогу.

2. Память об исторических событиях не должна интенционально демонстрироваться и использоваться в форме, задевающей чувство самоуважения другого народа. Память о прошлом должна служить конструктивному будущему и примирению.

3. Формирование в ментальной сфере взаимно положительного образа путем беспристрастного представления объективных знаний о своих странах и обществах, об обусловленностях их судеб и о текущих жизненных проблемах.

4. Вытеснение ходячих негативных национальных гетеростереотипов путем взаимного сближения, познания правды о себе и формирования ассертивных установок и толерантности по отношению к разного рода различиям.

5. Открытие, настолько это возможно, собственных национальных территорий для двустороннего, безопасного, благожелательного посещения граждан в познавательнo-туристических, деловых, научных, семейных, религиозных и др. целях.

Указанные предложения с точки зрения, напр., регуляций в Объединенной Европе, не являются чем-то новым. Однако в польско-восточнославянских отношениях оставляют желать лучшего. Эти предложения соотносятся и с теоретической, и с прагматической проблематикой познания культурных артефактов.

Собственно теоретическая проблематика касается, как известно, понимания феноменов культуры, их познания и функционирования в общественном сознании, их связи с языком, с этническо-языковой картиной мира. Прагматическая проблематика познания культурных ценностей – это трудные с точки зрения педагогической деятельности вопросы, такие как формирование желаемых расположений и мотиваций познания культурных ценностей, предпочтительность отбора познаваемых единиц культурного знания, процедуры и способы их предъявления, напр., процедуры и способы их предъявления, напр., в учебниках, осмысливание содержащихся, напр., в произведениях искусства, идейных замыслов и т. п.⁷ Это также познание и уразумение определенных ценностей и отношения к историческим событиям и их изображениям, к национальным историческим личностям, напр., понимание гордости русских за А. Суворова и понимание русскими также и осудительных мнений поляков о Суворове. То же самое можно сказать и об отношении русских к польским личностям, напр., к гетману С. Жулкевскому или к королю С. Баторию, и о понимании смыслов польского национального гимна, с одной стороны, и об уяснении смыслов нового российского гимна, в частности дилемм выбора его мелодии – с другой стороны.

Процессы взаимного познания, осмысливания и постижения единиц культурного знания принято, на мой взгляд, не совсем корректно соотносить с термином „диалога культур”. Культуры ведь как таковые не ведут диалога, не общаются даже в переносном смысле. Диалог происходит между людьми, носителями национальных культур и общих универсальных культурных норм

⁷ Подробнее на эту тему см.: W. Woźnięci z, *О методике познания и постижения лингвокультурологических единиц*. В: *Изучавъе словенских језика, књижевности и култура у инословенској средини*. Катедра за славистику Филолошког Факултета, Београд 1998.

и ценностей в процессах их различных активностей, связанных с достижением определенных целей.

Чтобы межкультурная коммуникация в польско-восточнославянском пространстве могла действительно осуществляться, давние и новые культурные связи могли развиваться, должны преодолеваться отягощения, связанные с исторической памятью, с все еще сохраняющимися нежелательными позициями определенных социальных групп. Во многом это зависит от того, насколько авторитетные общественные элиты, политические партии, церкви и другие институты будут готовы апробировать приведенные выше постулативные положения и внедрять их в соответствующей просветительской политике, в ежедневной педагогической деятельности в школе, в вузе и в текущем публичном дискурсе.

В заключение следует добавить, что финансовая поддержка государств и постепенное повышение благосостояния обществ нашей славянской части Европы являются существенными условиями для создания благоприятного климата и мотивации познания культурного наследия и участия в плодотворной межкультурной коммуникации славянских социумов, направленных на взаимное достижение общего благополучия и развития дружеских отношений.